

Станислав Косаренко

Шурпа

18+

Станислав Косаренко

Шурпа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68804631

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда взрослые люди садятся пить, опыт и знание меры позволяют сохранять лицо до конца застолья. Речь течёт плавно, мысли почти не сбиваются и, если бы не пустые бутылки, вы и не подумали бы, что хорошо сидят с обеда. А о чём им говорить, когда давно друг друга знают? Правильно – о том, что вечно и всегда переменчиво, о женщинах.

Содержание

Первая бутылка.	4
Вторая бутылка	17
Третья бутылка	26

Станислав Косаренко

Шурпа

Первая бутылка.

– «Однажды ты постареешь и не заметишь этого. Старость придёт к тебе, молодому и здоровому, тихо зайдёт в комнату, молча сядет в твоё любимое кресло, устроится поудобнее, поправив подушки, и начнёт ждать. Ждать, пока ты обратишь на неё внимание. Тебе и в голову не придёт, что она уже здесь, ты ведь молодой, здоровый, только начал жить во всю силу». Вот ведь пишут люди, я ж точно знаю, что молодой и здоровый, какие наши годы?

– Что за сволочь это написала? – ответил Толик, – не хочу даже думать об этом. Ты вообще читать пришёл или пить?

– Я ещё и есть собираюсь.

– Ну так наливай, а то я сейчас уже слюной изойду.

Видимся мы с Толяном не то, чтобы совсем редко – пару-тройку раз в году получается, а знакомы больше, чем полжизни. Два года койки рядом стояли. В этот раз получилось

у него на даче. Я специально оформляю себе командировки в его город, чтобы можно было вот так посидеть. Ясное дело, что все дела побоку, слишком редкое это удовольствие.

– Коньяк ты красивый выбрал.

– Мы ж у тебя сегодня, с тебя – закусь, с меня – красивое.

– Думаешь, четырёх бутылок хватит?

– Думаю, что после четырёх бутылок нам будет пофигу.

– Согласен. Бокалы – вон. Как ты и сказал, пузатые.

– Я тебя слишком люблю, чтобы пить коньяк из стаканов.

– А я тебя слишком давно знаю, чтобы не принести бокалы. Ты ж плешь проешь, сволочь.

– Да шо у тебя там проедать, ты ж уже плешивый.

– А это – потому что давно с тобой знаком. Наливай давай, не томи, шурпу загружать пора.

Шурпу Толик делает по собственному уникальному рецепту, в который входят полтора часа на базаре, где он выносит мозги всем продавцам баранины по очереди, в результате чего становится обладателем какого-то особого курдючного

жира, килограмма мякоти и тщательно подобранных косточек. Потом для него отбирают определённый набор овощей и зелени, а специально обученный узбек под его руководством создаёт уникальную смесь специй.

Мы долго греем в руках первую порцию коньяку, придирчиво разглядываем его на свет, вдыхаем аромат и маленькими глоточками утоляем жажду. Мир становится гораздо лучше.

– Да, хорошо сюда этот шоколад вписался, – задумчиво произносит Толик, отламывая ещё кусочек.

– Ты бы не нудил и попробовал-таки с фиником, зря я их, что ли тащил?

– Я не чужд экспериментов, но сначала нужно ещё по одной, для храбрости.

– Мы, вроде, не расходимся пока. Но ты собирался шурпу ставить.

– Говорю же, – нужно ещё по одной, для храбрости.

– Ты боишься собственной шурпы?

– Я хочу ещё одну.

– А-а-а... Не зря его буржуи десять лет в бочке мариновали.

– Ну должен же и ты в чём-то разбираться, наливай давай!

Вторая заходит так же неспешно, ласково обволакивая полость рта и приятно согревая что-то в груди.

– Давай свои финики.

– Вот.

– Помни – под твою ответственность.

– Не ссы, не помрёшь точно.

Он забрасывает в рот финик, втягивает глоток коньяку, закрывает глаза и, спустя несколько секунд, интересуется:

– А где ты про это вычитал?

– Ну зачем же «вычитал»? У меня недавно не оказалось под рукой ничего, кроме коньяка и фиников, я зажмурился, перекрестился, попробовал и открыл глаза уже просветлённым. Эмпирический путь – самый верный.

– Тогда я ставлю казан.

– Валяй, а я плесну ещё по чуть-чуть.

Он выложил в разогретый казан жир, несколько секунд полюбовался его таянием, взял бокал, слегка взболтал, принюхался, глотнул, отставил в сторону и принялся укладывать мясо.

– Ты его не моешь?

– От чего? Щепок от колоды на нём нет, осколков топора тоже.

– Ну, не знаю, микробы там всякие.

– От ты забавный. Ему в казане часа четыре томиться, думаешь, там хоть какой-то микроб выживет? – Он глотнул ещё, – а нам точно хватит?

– А ты глотки поменьше делай. Или хочешь сразу убиться в хлам? Тогда и доварить не успеешь.

– Точно, ты ж жмот, я помню, – но на этот раз не отпил, а лишь понюхал и завис, созерцая шкворчащее мясо.

– Хоть ты уже не гунди, какой из меня жмот? Иногда бываю домовитым, но это, чтобы потом было, что потратить.

– Да ладно, помню я, какие ты ночлежки выбираешь, когда не один сюда приезжаешь. Шоб вид на море и завтрак в номер.

– Для этого стоит иногда побыть домовитым.

Он поводит шумовкой в казане, отхлебнул из бокала и спросил:

– А вот скажи, домовитый, почему цветы – лучший подарок?

– Да хрен его знает, наверное, потому что бабы их любят.

– Да мало ли, что они любят, а дарим-то мы, в основном, цветы.

– Ну да, золото-брильянты – не на каждый день подарки.

– Да... Домовитый. Цветы красивые, дорогие, то есть она видит, что ты её ценишь, и их потом можно выбросить, никого не обидев. Вот подаришь ты шубу или, скажем, сумочку. Во-первых, вдруг ей не понравится, а вещь дорогая – выбрасывать жалко. Во-вторых, если всё-таки выбросит, ты же начнёшь интересоваться, почему не носит.

– А в-третьих – что она скажет мужу?

– Вот. Ты меня понимаешь. Наливай.

Удовлетворённо поцокав языком, он выложил в казан лук.

– Вот та-ак... Тут помешивать надо иногда, но это можно делать, не выпуская из рук бокала.

Я посмотрел на бегущие за окном облака и, забросив в рот очередной финик, спросил:

– А тебе никогда не дарили картину? Представляешь, да – открывается дверь, за ней – друзья семьи в количестве одной супружеской пары? Тебе протягивают завёрнутый в бумагу прямоугольник, ты распаковываешь, а там – картина в рамке, и у них лица такие счастливые с ожиданием твоей реакции, а ты тоже по правилам улыбаться должен, вместо спросить: «И куда мне эту хрень повесить?»»

– Ага, а они ж – друзья семьи, то есть иногда в гости приходят и каждый раз будут искать глазами, где подарок. У меня одна такая есть – тут в прихожке висит, я так и сказал: «Дачу украшает, она там в интерьер удачно вписалась». А чё, я же не на голову ему надел. Но больше не дарят.

– Ну... За доброту.

Тем временем, настала очередь помидоров и, соответ-

ственно, ещё одной порции коньяку.

– Густой, гад. Плотный.

– И заходит хорошо, – ответил я, – вот это «ХО» на обложке своё дело знает.

– Да, чувствуется не карамель, а дровишки.

– Человечество, если разобраться – несуразность, внезапно возникшая на окраине вселенной, где вместо холодных камней или раскалённой лавы – этот вот уютный мир с закатами, рассветами, золотым осенним листком и букашкой на травинке. Не исключено, что люди – единственные среди всей этой бесконечности, кто способен изобрести коньяк, блюз и чашку кофе.

– Мммм-да... Он и вправду хорош. Эк тебя!

– Ты помешивай, помешивай, а не мешай мне формулировать. У меня, может быть, вдохновение от уважения к его возрасту.

– Жаль, руки заняты, за тобой записывать нужно.

– Не отвлекайся, просто запомни, что под хороший коньяк я афористичен.

– Шчас, подожди, не говори шедеврами, пора перчик засыпать.

Через мгновение кухню наполнил аромат болгарского перца.

– Сколько, говоришь, оно должно готовиться?

– Сам ты «оно»! Часа три ещё с каким-то лихуем.

– А я точно доживу?

– А что заставляет тебя в этом сомневаться?

– Запах.

– А! Понимаю, самому нравится, вот подожди не умирай, шчас специи пойдут и зелень. Замри, недостойный. Что порадует рецепторы обоняния лучше, чем сочетание чеснока и кинзы?

– Ты смеешь такое говорить в присутствии коньяка?

– Он в закрытой бутылке. Не услышит.

– Но ты же понимаешь, что этот запах мы ароматом дубовой бочки не перебьём.

– Не, если ты хочешь есть одни финики, я сейчас всё это выливаю нафиг и укушаемся коньяком.

– Дедушка ослеп, а не охерел.

– Вот. Наслаждайся. Дыши полной грудью, а я пока морковку с картошкой положу. Сейчас это всё закипит, мы его – на маленький огонёк и пусть часа три томится. Воду я не лью. Обычно, хватает жидкости, которая в мясе и овощах.

– Кстати, о жидкости...

– Ага, наливай.

Много лет назад Толик признался, что не любит своё имя: «То-о-олик», – представляешь? И так по несколько раз в день. Ненавижу». С тех пор я стараюсь к нему по имени не обращаться. Да и смысла особого нет – когда мы с ним общаемся, как правило, рядом никого, а друг друга мы пока ещё ни разу не перепутали.

– Так вот, о жидкости, – продолжил я после пары глотков, – ты никогда не задумывался о разнице между коньяком и водкой?

– Ты ещё компот с минералкой сравни. Оба мокрые, но вкус разный.

– Я думаю, что дело не во вкусе. Водка, сука, честная, она для опьянеть. А коньяк – для посидеть долго и под разговоры.

– Ага, как проститутка и жена.

– Ну да, и по уровню цен сопоставимо, проститутка любому дешевле, чем постоянная женщина.

– По-любому.

– Так вот, если у коньяка мы с тобой сейчас вот что-то выгреваем и вынюхиваем, то водка идёт сама по себе, но под хорошую закуску. Насчёт вкуса ты всё ж таки прав, но вкус водки – в закуске. Вот, когда ты капусточкой хрустеть начинаешь... А? Почувствовал?

– Ну тебя нафиг, я сейчас за водкой побегу.

– Не, в нашем возрасте такие смеси предосудительны. Ты представляешь, как завтра будет болеть голова? Мы же уже одну бутылку почти приговорили.

– А почему, кстати, её не выдерживают в бочках?

– Так она ж и так вкусная с капусточкой-то. А представляешь, какое говно – первоначальный вискарь, что его в чистом виде пить невозможно настолько, что, пока им какую-нибудь бочку не вымоют, не употребляют.

– Да он и после – не фонтан, как и коньяк какой-нибудь дешёвый. Двенадцать лет. Не меньше! Чтобы из скотча получилось что-нибудь съедобное без льда или колы.

– Так вот и нет в нашем отечестве идиотов, которые будут хранить водку в бочке, вместо того чтобы её сразу выпить.

– Правильно, водку измеряют не бочками, а ящиками. Давай уже, разливай, что там осталось, мне не терпится следующую открыть, раз уж ты сегодня притащил четыре бутылки коньяка, а не пару ящиков водки на те же бабки.

– Ага, и я после этого жмот.

– Ну а кто? Не я же.

– Ну да, два ящика мы бы за сегодня не выпили, а мне завтра уезжать, то есть ты хотел за мой счёт водярой запастись.

– Не бойсь, не пропала бы.

– Я в этом просто уверен.

– Ну... За красоту.

– Давай.

Вторая бутылка

Пригубив начало второй бутылки, мы как-то одновременно захотели на воздух, там собиралось за холм вечернее солнце.

– Красота, говоришь?

– А то! – Толян вытянул руку и посмотрел на светило сквозь бокал, – невероятная. Но ты знаешь, недавно Дюша приезжал со своей женщиной. Ты же жену его видел?

– Модельку?

– Ага, так вот – ну совсем не то. Там и сиськи, и лицо, ну что я тебе говорю, одно слово – моделька. А эта – никакая просто, но Дюша по ней сохнет и разводиться собирается. Вот как так?

– Я знаю? Это ж ты её видел.

– Юморная она. Мы, пока тут сидели, я из-под стула не вылезал. И даже Дюше завидовать начал.

– Понятно. Красота, она постоянная, и то – до какого-то

возраста, а вместе поржать – каждый день новое. Оно дорогого стоит.

– Это понимание с возрастом приходит. Когда начинаешь ценить не марку машины, а человека в ней.

– А коньяк-то и правда хорош. За тобой тоже можно начинать записывать.

С возрастом приходят многие вещи, артрит, например, понимание, опять же, а ещё – опыт, поэтому мы не оставили бутылку в доме, а взяли её с собой. И ей не так одиноко, и нам туда-сюда бегать не нужно.

– Вот смотри, ты греешь коньяк в руках, а он тебя – изнутри.

– Классная фишка, «симбиоз» называется.

– Да, человек одинок в этом мире, даже симбиоз только с выпивкой возможен, – Толик взглянул в сторону холма, из-за которого виднелся уже самый край солнечного диска, – хотя есть ещё женщины.

– Они живут рядом с человеком тысячелетиями, а мы так и не смогли их приручить.

– Ты же не первый день живёшь, ещё не понял, что это они нас приручают?

– Да, этот взгляд, ну знаешь, когда ты с ней в первый раз разговариваешь, а она уже поняла, что ты ей нравишься и вот прям настолько. У неё глаза так широко раскрываются, на щеках румянец и дыхание сбивается, и что бы ты ни говорил, она на всё согласно кивает.

– То есть ты думаешь, что приручил, а она за это время уже успела представить себя в белом платье, троих детишек, ипотеку и отпуск на море. И потом это же ты начинаешь вести себя, как дурак, а не она. У неё взгляд и дыхание выравниваются, а ты уже без башни.

– Ну да. Лазить в окна, скупать цветы киосками. Хорошо, что петь серенады уже не требуется, голос у меня хреновый.

– Да у тебя и слух, если честно...

– Я тоже тебя люблю, – я зябко поёжился, – знаешь, мы пока не столько выпили, чтобы мне было тепло ещё и снаружи. В вашем заведении выдают пледы?

– А ты не охренел?

– Тогда пошли вовнутрь. Там точно теплее.

Прямо на входе мы окунулись в клубы аромата, исходящего из казана. Настроение и состояние вплотную приблизились к тому, что называют блаженством. Если бы я был котом, сейчас бы обязательно мурлыкал, по крайней мере, потереться боком о плиту уже захотелось.

– А скажите-ка мне, Анатолий, почему они умнее нас? – я уже полностью согрелся и, сменив финики шоколадом, сделал хороший глоток, – почему каждый раз, когда они ведут себя абсолютно нелогично, и мы считаем их полными дурами, в результате оказывается, что именно это решение было самым правильным? Я не говорю, что это нужно признавать вслух, мне бы понять, почему так.

– Это спрашивает тот, кто что-то говорил про лазить в окна? Наверное, в них заложена какая-то высшая рациональность. Там, где ты что-нибудь сломаешь, она сохранит и ещё заставит на себя работать. Думаю, мы выжили только благодаря им, а то поубивали бы друг друга нахрен. Предлагаю – за отсутствующих здесь дам.

– Решительно поддерживаю.

Мы поднялись и, чопорно кивнув друг другу, осушили бокалы. В обступившей нас тишине было слышно лишь редкое бульканье в казане.

– А чего мы вообще о бабах заговорили? – спросил Толян,

провернув несколько раз шумовку, – больше не о чем, что ли?

– Можно подумать, что мы первый раз разговариваем. Вот перед этим, помню, когда я приезжал, о работе болтали, у меня после этого, вроде как-то наладилось, сегодня о бабах поговорим, может быть, у них наладится с нами.

– Оригинальный тост.

– Другой бы спорил.

Сделав по глотку, мы с минуту помолчали, думая о чём-то своём или не думая вообще. Вас когда-нибудь спрашивали: «О чём ты думаешь?» Почему-то ответ «ни о чём» не устраивает. А если я правда ни о чём не думаю? Или не могу сформулировать, что там у меня между ушами происходит? Особенно, когда во мне уже ласково плещется больше, чем полбутылки. Мысль всё же пришла:

– Нам внимание нужно. Причём не кого подряд, а на кого хочется произвести впечатление. Вот на тебя, например, не хочется, нахрен бы ты не обогнулся, потому что с тобой и так всё уже давно ясно. На остальной мир – просто насрать, а восторг в зелёных глазах, он у отдельно взятого меня самооценку повышает.

– Серые тоже ничего.

– Дуэль?

– Дуэль, но позже.

– Другой бы спорил.

– Наливай.

– Не части.

– Жмот.

– Не части.

– Человек – слишком социальное существо и всё, что он делает, требует чьей-то оценки. Даже какой-нибудь отшельник, который свинтил в пустыню для общения с богами, всё равно у них спросит, всё ли он правильно сделал и достаточно ли далеко свинтил. Или валяется пьяный мизантроп и орёт: "Пошли вы все на хер!!!" Он же обязательно дождётся, пока кто-нибудь не крикнет: "Сам пошёл!". Жить в одиночестве – это как пить или путешествовать одному. Ты, вроде, получаешь какие-то впечатления и даже эмоции, а разделить их не с кем и вспомнить потом не с кем.

– Точно! Я как-то попал в Венецию один. Представляешь? В Венецию! И шо я буду сам кататься на гондоле? Развалившись так и попросив водилу спеть. Не, даже вспоминать не хочется.

– Да, грустно, ты не рассказывал.

– А о чём рассказывать? Ну надрался я там в три звезды, добрёл до какой-то электрички и уехал. Даже пить в одиночку лучше, чем самому путешествовать.

– Но тут же ещё и одиночество не любое. Вот, представь, что мы с тобой туда попали вдвоём. И чё?

– Думаю, тогда бы мы вдвоём и надрались, а там, может быть, и гондольер какой-то невезучий подвернулся бы. В лучшем случае – ментура местная под протокол.

– Да, воспоминания яркие, но, согласиись, немного не те. А вот если бы всё это отражалось в серых глазах...

– В зелёных.

– Не, ну можно и в зелёных, но, думаю, мы тогда поссоримся.

– Хорошо, у тебя – в серых, у меня – в зелёных.

– Уговорил, чёрт красноречивый, наливай давай.

Хорошо, когда в руке бокал. С одной стороны – не тянет уткнуться в телефон, а с другой – нет этой дурацкой тяги развивать мелкую моторику – ковырять скатерть, скатывать в трубочку салфетки, чесать в ухе и вообще, бокал в руке – это уже хорошо.

– Знаешь, я Дюшу неплохо понимаю, много раз думал об этом. Пока ты совсем новый, влюбляешься в родинку на щеке, в улыбку, в сиськи, правда, получаешь всю женщину целиком, но не будешь же об этом думать в двадцать лет. Кто там умный сказал: "Если повезёт, будешь счастливым, нет – станешь философом". А вместе с сединой иногда приходит понимание, что главное – не глаза. Нет, привлекает всё равно внешность, но влюбляешься уже в ум, характер, чувство юмора. А это – покрепче синей Смирновки.

– Сократ.

– Что «Сократ»?

– Сократ – умный.

– Самое бесспорное замечание за сегодняшний вечер.

– Блин, про философа Сократ сказал.

– Согласен. Не дурак.

– Тупить начинаешь, наливай.

Третья бутылка

Характерный звук пробки не так музыкален, как пение флейты, а слух услаждает не хуже. Можете сравнивать, конечно, но Толян вот сразу согласился. Взяв бокал с янтарной лужицей на дне в правую руку и посмотрев сквозь него на лампочку, он изрёк:

– Каждая женщина в нашей жизни – шаг к совершенству. Одна учит держать ложку, другая – читать и писать, следующая – не мять грудь так сильно. Обязательно встретится та, которая убедит не разбрасывать бельё, отрастить или состричь чёлку и перестать наконец заправлять брюки в носки. А если всё же стал алкоголиком – молодец. Ты оказался сильнее всех этих баб.

– Звучит, как тост.

– Балбес, это он и есть.

– Мне сразу так и показалось, только объясни мне, балбесу, почему мы их всё время обижаем? Я недавно у одноклассницы спросил, дёргал её за хвостик или нет, конечно, говорит, дёргал, попробовал бы ты не дёргать. И вот тут я

впал в когнитивный диссонанс.

– Куда?

– Эммм... В твоём случае – опупел.

– Ага, я просто от тебя не ожидал такого состояния. Не вяжется как-то с твоим светлым образом. И шо?

– Шо-шо. Нравится им что ли, что мы их с детства обижаем?

– Ты одно с другим не путай. Здесь не обида, а проявление внимания. Мы же с тобой говорили, что они умнее нас. Она уже в том возрасте понимала, что ты, дебил, по-другому свою заинтересованность выразить не можешь, а висящий из урока в урок перед глазами хвостик тебя обязательно заинтересует. А обижаешь ты женщину, когда ведёшь себя, как мудака. А ты ведёшь, я же тебя не первые десять лет знаю. Ты себя по-другому ведёшь редко.

– Ты ещё скажи, что я единственный мудака на этой кухне.

– Нет, не скажу, потому что я честный. И потому, что, если человек ведёт себя, как мудака, говорит, как мудака и думает, как мудака, он и вправду мудака, какой бы логикой он свои

поступки ни оправдывал.

– За мудаков?

– Против. Но, блин, они же и вправду страдают не оттого, что мы бухаем или где-нибудь приключений на свои задницы ищем. Мы своим мудацким отношением портим жизнь тем, кто нас, между прочим, любит. И ведь мы при этом тоже к ним неплохо же относимся.

– Да чё там, мы их любим.

– Любим. Но ведём себя, как мудаки. Вот это вот знаешь: «Ты хочешь быть прав или счастлив?» Умный же человек сформулировал.

– Сократ?

– Что «Сократ»?

– Умный.

– Да, Сократ умный.

– А я знаешь, что подумал? Когда она там уже у тебя шкворчать закончит, кстати, а то жрать же охота?

– Скоро уже. Ты меня вот щас заинтриговал прям. В одной фразе – ты и «подумал». Я уже вот готов записывать, практически.

– Я подумал... Ты записываешь? Я буду помедленнее. Так вот, я подумал, что у каждого из нас есть возможность, нет, не зависнуть в веках и не остаться в памяти поколений, а просто не зря прожить. Для этого нужно, во-первых – влюбиться, а во-вторых – каким-то образом добиться искренней взаимности.

В этом случае на тебя будет насрать не всему человечеству, а на одного человека меньше. Вот этот человек и будет смыслом твоей жизни. Не научное открытие, не произведение искусства, не построенный дом, там, а человек. Потому что всем пофигу, кто, например, проложил дорогу, по которой они ездят. И водила на асфальтоукладчике вообще-то делал это, чтобы бабла срубить. А человек, рядом с которым тебе всё равно, что происходит в мире и есть ли этот мир вообще, будет счастлив, делая тебя счастливым.

И это Счастье с тобой – здесь и сейчас. Не в светлом будущем, а повседневно. И ты знаешь, зачем живёшь – чтобы тоже делать кого-то счастливым. А лучше не тоже, а просто делать, может быть и с той стороны какая-то взаимность появится. А если даже и не появится, то и хрен с ней. Ты и так будешь самым счастливым на свете человеком, потому что

влюблён.

– Я уже говорил, что коньяк хороший? Жаль. Такая штука пропадает. Это тянет на полноценный кавказский тост. За Счастье? – отхлебнув изрядный глоток, он продолжил, – согласись-ка, друг мой, что наличие в жизни любимой женщины здорово эту самую жизнь облегчает, даже, если она не рядом. Потому что, когда не рядом, можно не так чисто бриться, не настолько тщательно одеваться и одеколоном себя поливать не надо. Остальных-то женщин в мире не существует.

– А ещё, когда любимые пальчики с красивыми ноготками крепко держат тебя за яйца, разбрасывать по дому носки уже не получается.

– За порядок?

– За порядок.

– И давай на двор выйдем, покажу чего.

Я сразу не разобрался, что там можно было показывать, поскольку стояла кромешная тьма. По словам Толяна, во всём посёлке уже не первый месяц были какие-то проблемы с электричеством, поэтому домик был освещён какими-то хитрыми конструкциями из батареек, светодиодных лампочек и бутылок с водой. Освещение вполне позволяло не раз-

бить нос об стену, а чтобы не пролить коньяк и не пронести бокал мимо рта, под потолком кухни ярко горела одинокая, висящая на каком-то шнуре лампа, подключённая к аккумулятору.

– Ты не под ноги смотри, рождённый ползать, наверх глянь.

– «Мать-мать-мать», – привычно откликнулось эхо.

Поскольку в радиусе нескольких километров ни в одном дворе не было искусственного освещения, а сам посёлок лежал в низине, над нами висели миллиарды звёзд разных размеров и яркости. Безлунное небо казалось белым. Я, дитя городской застройки, никогда раньше такого не видел. Это зрелище в комплекте с довольно прохладным воздухом слегка прочистило мозги, которые уже начали поддаваться влиянию алкоголя, и язык стал ворочаться немного живее. Откуда-то из-под этого звёздного купола до меня донеслось:

– ...дочка, должна же быть на свете хоть одна женщина, которую я сделаю счастливой. Я обязательно расскажу ей про мудака, который превратит маленькую принцессу в сильную, независимую женщину. Расскажу в деталях, сука, со знанием дела, а потом выловлю его и вышибу мозги. С сожалением, что в своё время никто не выловил меня.

Я обязательно покажу ей, как нужно забивать гвозди и очень постараюсь втолковать, что есть такие умения, которыми желательно не пользоваться, потому что гораздо важнее, чтобы рядом был тот, кто с восторгом это сделает и искренне огорчится, если ему не позволить. Именно с восторгом и всего лишь за то, чтобы она ему улыбнулась. И если эта полочка не будет висеть через три дня, её повешу я. А рядом вот этого, который, я представляю, что с ней по ночам, гад такой, вытворяет. Нет, я не буду возражать, если он окажется из тех, кто не сам заносит холодильник на двенадцатый этаж, а способен за это заплатить. Главное, чтобы вся стена в гвоздях.

Надеюсь, она поймёт, что этот, который рядом, а я его уже слегка ненавижу, достоин там находиться, только если на него можно положиться. То есть, если меня вдруг не станет, она не останется без защиты и поддержки.

Она обязательно будет уметь готовить, стирать и убирать. И совсем не потому, что это обязанность женщины. А потому, что вкусный ужин и чистая постель – форма выражения любви к этому мерзавцу. Ну, как отсутствие в доме сквозняков и неработающих лампочек – выражение заботы о семье с его стороны. Да будь он хоть даже айтишник, даже с вот этой хернёй на голове и тоннелями в ушах, лишь бы ей нравилось, он обязан, сволочь, всегда находиться на полшага впереди неё, чтобы, в случае чего, прикрыть собой. Ну а она, конечно, будет знать, что, когда он там впереди, он должен быть

уверен в надёжности сзади.

– А зачем ей с такой подготовкой слушать по ночам чей-то храп?

– А чтобы было, с кем обстебать весь остальной мир, который где-то отдельно от них и подождёт.

– Про хороший коньяк мы уже говорили...

Вернувшись в дом, мы почувствовали прилив сил, который привёл к повышению уровня коньяка в бокалах. Толик нагнулся над казаном, шумно втянул носом воздух, залил его глотком, после чего вынул шумовкой кусочек мяса, попробовал, залил ещё одним глотком и объявил, что лучшая в мире калмыцкая шурпа готова. Я не стал уточнять, где древние калмыки брали картошку, помидоры и болгарский перец, уж больно аппетитный вид был у того, что он выложил на тарелки.

По первую порцию мы съели молча. Когда после долгого перерыва во рту тает баранина, грех занимать его разговорами. Наваристый бульон, сочная картошка и нежное мясо, казалось, абсолютно свели на нет все старания выдержанных коньячных спиртов свалить нас с ног. Толик с торжественным лицом поднялся и воскликнул:

– Предлагаю помянуть овцу, отдавшую нам свою плоть.

Она умерла не зря.

– Не чокаясь, – ответил я, вставая.

Когда организм в целом убедился, что уже не умирает от голода, а взгляд, оценив размер казана, сообщил мозгу, что точно хватит, мой речевой аппарат смог произнести первую осмысленную фразу:

– Ты говорил про улыбку.

– Ну?

– А сам замечал когда-нибудь, сколько всего некоторым женщинам удаётся выразить одной улыбкой? Вот придержал ты незнакомой девушке дверь, а она, вместо какого-нибудь «спасибо», просто повернулась к тебе, приласкала взглядом и улыбнулась. Всё. Тебя как будто поцеловали. Взглядом! Вот как они это делают?

– Наверное, ты просто очень хочешь быть поцелованным.

– Я просто очень хочу придержать девушке дверь.

– В некоторых развитых странах такие действия могут довести тебя до суда.

– Ой, да был я в этих странах. Самую запоминающуюся улыбку мне подарила одна итальянка, когда я подал ей руку при выходе из поезда, а тот хмырь, который был с ней, даже не смог придумать, как ему сподручнее обтекать в этой ситуации, потому что я ещё и чемодан ей спустил на платформу.

– Это потому, что ты не совсем мерзкий на вид, а то засадили бы за домогательство.

– Думаешь, там развита дискриминация по экстерьеру?

– Думаю, что всё зависит от той, которую ты домогаешься. Если ты достаточно нагл, обходителен и симпатичен, большой срок тебе не грозит, ну разве что вы подерётесь с её мужем.

– Да, есть ещё люди без чувства юмора, но юмор в том, что они этого не чувствуют.

– За то, что мы не такие?

– За то!

– А откуда в тебе, дитя городских окраин, вот этот гендерный шовинизм?

– А откуда друг степей калмык знает такие выражения?

– Ты плохо знаком с традициями нашего народа.

– А ты забыл, что лет пять назад сказал Татарин.

– Да, он не калмык, поэтому мог и забыть.

– Цитирую: «Раз родился с хером, ты уже должен. Потому что, если позволишь всё делать женщинам и детям, кто ты после этого?»

– Подожди, за это нужно сделать глоток. А я где был?

– А там мужики как раз допились до армрестлинга, и ты то ли участвовал, то ли болел за кого-то.

– Сколько славных парней спилось и погубило, так и не дожив до гипертонии, геморроя, простатита и подагры...

– Да. Алкоголь зло. Давай с ним бороться.

Кроме алкоголя, пришлось бороться ещё и с шурпой, но таким нас точно не запугать. Слегка осоловев, скорее от съеденного, чем от выпитого, мы вытянули ноги, откинувшись на спинки кресел, и со стороны могли бы сойти за двух английских лордов, если бы не тельник Толяна и не мои кеды.

– Женщина – это целый маленький мир со своими рас-светами, закатами, звёздами и ураганами. Мы влазим в него своими сапожищами, топчем цветы и норовим обязательно убить ту самую бабочку, ну знаешь, про которую вспоми-нают, когда про путешествия во времени говорят. Причём делаем это не специально, но почему-то смерть насекомого становится неизбежным элементом программы.

– Они чешуекрылые.

– Да пофиг. А бабочки эти – очень хрупкие создания. И вот сидишь ты, смотришь на раздавленное тельце, пыльцу с пальцев оттереть пытаешься и понимаешь, что сделать уже ничего нельзя. Но если ты понял про эту бабочку, может быть получится сохранить вот эту, блин, вселенную, которая получилась? Да, без бабочки, с которой она, наверное, была бы ещё лучше, а может быть, именно из-за неё рухнул бы тот мир, который может стать общим, и где ты будешь беречь каждую травинку. Почему маленький мир – только женщи-на? Да потому что не представляю я себе мужика, чья тон-кая душевная организация может меня озаботить. Главное, чтобы он сам был аккуратным пришельцем.

– Мудаки, потому что.

– И не поспоришь.

– Ну они тоже странные бывают. Вот помыл ты посуду. Да, она приготовила такой классный ужин, так красиво всё это сервировала и настолько всё продумала, что ты просто не смог допустить, чтобы эти золотые руки мыли тарелки. А потом видишь, что у неё настроение упало и понять ничего не можешь, вроде, нормально же общались. И только спустя какое-то время совершенно случайно узнаёшь от случайно встреченной подруги, что ты вымыл тарелку, стряхнул с неё воду и эта вода вокруг раковины всё забрызгала, на кафель попала, на стол, ужас ведь просто. А потом этими же самыми руками засунул мокрую посуду в шкаф, вместо того чтобы сложить её на полотенце и дать просохнуть. А она так старалась, свечи выбирала в цвет салфеток.

– А вот тут ты, вроде, не мудака, но легко можешь им стать, если вдруг начнёшь разборки. Ты правда думаешь, что подруга из-за шоколадки, шо ты ей припёр, всё это выложила? Её к тебе подослали в последней надежде, что ты просто такой неуклюжий. К порядку тебя приучить ещё можно, а мудака перевоспитывать не каждая взрослая женщина возьмётся. Их у неё до тебя с десятков было, нафиг ей ещё один. И вообще, тебе же баба нужна, так какого полового хера ты к ней требования предъявляешь, как к мужику? Они ваще другие. Ты же не будешь учить кота гавкать, когда кто-то в дверь звонит. Хотя, зная тебя... В общем, не делай этого. Просто

запомни – нельзя. Если тебе досталась женщина, которая к тебе хорошо относится, нужно сдувать с неё пыль и носить на руках. Они чувствуют отношение и хорошо умеют быть благодарными. А ведь это мы, блин, их благодарить должны. Мы ж даже десятой части того, что они для нас каждый день делают, не замечаем, а они не прекращают. А потом вдруг – раз и ты без неё. Можешь сколько угодно думать, что ты парень неплохой. Ей мудака не нужен. Она честно старалась. А мудака никто, кроме него самого, переделать не сможет.

– Ну да, но это же нужно на себя со стороны как-то посмотреть, понять, что ты мудака. А тут ведь, как у Даннинга, мать его, Крюгера. Мудака не может понять, что он мудака, потому что он мудака.

– Да, и во всём обвиняет женщину. И ещё может выдать что-нибудь вроде: «Ей только шмотки нужны и бабки». Конечно, они ей нужны. Это ж ты, дебил, не понимаешь, что вкусно есть с красивой тарелки стоит денег на специи, продукты и посуду, а чистота в ванной получается через дорогую химию.

– А шмотки нужны, чтобы тебе, мудаку, понравиться.

– Вот! И как, скажи, можно жить с чуваком, который всего этого не понимает?

– Из-за денег?

– Ну, да, она же сама во всём вот этом зарабатывать не может, а работу хорошую хрен найдёшь. Он-то вообще не думает, что завтра может с инсультом окочуриться, как ей жить потом? И хорошо, если женаты и что-то после него останется, а то вон, у сестры одноклассница прожила с одним десять лет, он тапки отбросил, а потом оказалось, что у него наследников без неё хватает и осталась одна в сорок пять. Ни работы, ни квартиры, ни денег.

– И куда ей со своими рассветами и закатами?

– Начинаешь понимать. Они же гнездо выют с первой встречи, а мы не понимаем, что это всё для нашей же пользы.

– Ну ладно, а какая Машка-стерва?

– Виталькина, что ли?

– Ага.

– Ну так там Веталь – красавец, она его раза два со своих подруг снимала, один раз, будешь ржать – с соседки, а когда приехала на дачу не вовремя, где он с тремя проститутками

кувыркался, почему-то не выдержала и отцу пожаловалась. А кто у неё отец, ты знаешь. Конечно, Виталик теперь потерявший – без штанов, без хаты и нога неправильнорослая. Ходит по общим знакомым Машку говном поливает. А когда налево гулял – не думал про тестя. Я думаю, что он вообще своими ногами передвигается только потому, что дочка их его обожает. Да ну нафиг, под каждой крышей свои мыши.

– А чего, кстати, меня твоя Валька не любит?

– В смысле?

– Чего мы сейчас тут, а не у тебя дома, в тепле, с нормальной плитой и постелью?

– А, это... Во-первых, тут печка, а шурпа на живом огне – это тебе не какая-то газовая плитка, во-вторых, у нас суровая мужская пьянка. Куда здесь семью приткнуть, мы же не поговорим. А в-третьих, она вас всех не любит – ни тебя, ни Клюва. Думает, когда мы на кухне ржём, то о бабах моих разговариваем и с неё прикалываемся.

– Не, ну она у тебя классная, чё прикалываться?

– Ты хочешь ей попробовать это объяснить? Ты себя в зеркале видел? Тебе можно верить?

– Так шо, стервы не существуют? Все девочки фиалками гадят?

– Ну не гони, а? Налей лучше. Конечно, не все, но, в большинстве случаев, мы же их до этого и доводим. Кто жён, кто дочерей, кто сестёр. И в результате накапливаются обиженные женщины с одной стороны и обиженные мудаки – с другой. Но если с той стороны точно заранее знают, что мы козлы, то с нашей всё строится на убеждении, что им всем ничего, кроме бабла не нужно, особенно – у тех, у кого этого бабла от зарплаты до зарплаты не хватает. А на фоне эректильной дисфункции...

– Ой, я уже понял, что не налил. Щас. Жди.

– Ты шурпу так ждать будешь, как я коньяк.

– Ну а делать-то чё?

– Над этим я думал и есть у меня план.

– Уже налил.

– В общем, если каждый из нас сделает счастливой хотя бы одну женщину...

– Подожди, у нас многожёнство осуждается. Не скажу без интернета, по какой статье, но осуждается. То есть мы не можем сделать счастливой больше одной женщины. А если внебрачно и они узнают – мы опять козлы.

– Не придирайся, блин, к словам. Найди одну бабу, разыщи в ней девочку и сделай эту девочку счастливой. Я сделаю, Дюша, Татарин, Веталь, Клюв. Нам же самим от этого хорошо будет и им хорошо.

– Насколько я понимаю, Дюша одно делает, другое ломает.

– Или она делает, хотя я с её стороны зависимости не заметил, живёт девка в своё удовольствие и жизни радуется, а из нашего кента верёвки можно вить. Правда, я как-то общался с его моделькой. Она настолько тупая, что может быть и не поймёт, что уже в разводе. Да она и моложе Дюши лет на двадцать, тем более что он её голую и босую не бросит, ты ж его знаешь – всё оставит и в тапочках уйдёт, как от Верки ушёл. Ладно, мы пьём или жрать пришли?

Удовольствие мы явно растягивали, потому что третья и не думала заканчиваться, ну да и мы не спешили. А куда спешить, когда тепло и вкусно? Это ж кем надо быть, чтобы от такого коньяка сбежать захотелось? Или где-то должен быть

коньяк получше и шурпа повкуснее?

– Слышь, а ты вообще о счастье думал? Какое оно?

Толян сфокусировал на мне взгляд, задумался и проговорил:

– Когда пацаном себя чувствуешь. Правильно, наверное, что-нибудь глубокомысленное ответить, типа: «Счастье в успехах детей» или «Чтобы все, кто дорог, были здоровы» или «Мир во всём мире». Но ты ж понимаешь, мы с тобой весь вечер о мудаках говорим. Или дети накосячат, или с анализами напутают, или кто-нибудь захочет новую пушку испытать в боевых условиях. А вот когда ощущаешь, что можешь хоть сейчас на дерево залезть или лужу перепрыгнуть, то и вокруг тебя все молодыми быть хотят. И женщину свою удивить всегда готов, а то и неоднократно.

– А я думаю, что, если ты был по-настоящему счастлив, об этом можно кому-нибудь рассказать. Тогда ты переживёшь свои ощущения снова. А можно написать, тогда получится много раз перечитывать. А если оставить в себе, об этом никто, кроме тебя, не узнает, но у тебя будет иллюзия, что ты что-то сохранил. Хотя ключевое слово здесь «был».

– Грустно это. Но, если слово «жизнь» писать с буквы "ш",

требования к ней резко сократятся. Счастливым нужно быть сейчас и это счастье вокруг себя раздавать, как роутер, блин. Чтобы рецепт распространялся. Я вот тебе рассказал, ты, наконец, свою занозу убедил...

– Зазнобу.

– А я как сказал? А я сказал – не придирайся к словам, налей лучше. Ты понимаешь, что вы, может быть, последний раз живёте. А если не обниматься сегодня, завтра может не получиться. Либо хворь какая скрутит, либо завтра для тебя вообще не настанет. Из моего класса в живых всего четыре человека осталось, что пацаны, что девки – инфаркты, инсульты, тромбы, наркота, белка. Как выкосило двадцать четыре человека. А мы же только на шестой десяток пошли. Обниматься. Меньше ста лет живём. Нельзя жизнь на ерунду тратить.

– А что ерунда?

– Да всё. Кроме обнимашек и коньяка. Вот скажи, что с этим делать? – Толян помрачнел и опустил подбородок на грудь.

– А ничего ты не сделаешь, хотя мысль вот эта твоя про мудака в себе и девочку в ней какая-то трезвая. Невзирая.

Я даже буду её думать. Это же правда может мир переделать. Хотя бы наш собственный. Прожить оставшиеся пятьдесят лет в счастье и ещё это счастье раздавать. Операция «Роутер», блин. Свободная раздача. Подключайся без пароля. И счастливые улыбки у Татарина и Клюва. Не ехидные, не пьяные, а счастливые. И девки наши улыбаются радостные. Только их нужно подальше друг от дружки держать. А то ты своей что-нибудь рассказывал, Клюв – своей, Дюша, судя по тому, что ты говоришь, вообще не умолкает, чтобы разговор поддержать. Если они вместе соберутся и всем поделятся, искать девочек нам придётся на стороне. Слышишь, что говорю?

Но закрытые глаза и лёгкое похрапывание подсказывали, что нет. Я сделал пару снимков телефоном, открыл кран, набрал в какой-то графин с пол-литра холодной воды и одним движением вылил её на намечающуюся лысину Толяна. Я даже от тарелки увернулся, которой он в меня запустил.

– Дятел, блин! У меня тут переодеться не во что! – его кулачище пролетел у меня мимо носа, но за тридцать с лишним лет я знал, что длина стола больше, чем длина его руки.

– Сурок! Ты спать пришёл или коньяк пьянствовать?

– А кто спал? Я спал?

– Ты спал, даже храпел. Ручонки за спину и смотрим на все экраны страны: «Пьяный Анатолий дрыхнет, сидя за столом на собственной даче». И кто тут мурак?

– Я, – неожиданно согласился Толян, – щас, подожди, есть план, – и он начал раздеваться.

Оставшись в одних трусах, это тело влезло в резиновые тапочки, перекинуло через плечо полотенце и сказало: «Пошли купаться».

– Не, я конечно, грамм семьсот уже выпил, но мне даже этого мало, чтобы лезть в холодный лиман. Не май же месяц!

– Ну тогда пойдём, посветишь мне фонариком, а то я не проснусь. Вон фонарик, на шкафу с посудой.

Звёзд на небе, казалось, стало ещё больше, я даже проверил, не двоится ли у меня в глазах. Толян прошёл через небольшой дворик, поднялся на небольшой пирс и безо всяких дополнительных действий плюхнулся в холодную воду. Поплескавшись несколько секунд, он попросил подойти поближе и посветить на воду, я подошёл, посветил, я повёлся даже на просьбу дать ему руку и в ту же секунду тоже оказался в воде. Как я взлетел на пирс – непонятно, но одежда успела промокнуть. Вряд ли бычки в лимане меня слышали, иначе они бы всплыли кверху брюхом. Я орал, пока не по-

чувствовал, что замерзаю. Всё это время Толик сидел в воде и ждал, пока я остыну. Судя по всему – в прямом смысле слова. Швырнуть в него, кроме моих ботинок, было нечем, я осознал, что выгляжу, как идиот и уже спокойным голосом сказал:

– Дебил, ты утопил фонарик.

– Да и хрен на него, я тут всё наощупь знаю. Иди в дом, простынешь, заодно бутылку открой.

Конечно же, я открыл бутылку и конечно же, я макнул в ведро с водой его роскошный махровый халат, который он приготовил, чтобы облачиться после омовения. Но его это не удивило, он лишь заметил:

– А ты не обратил внимание на то, что мы сегодня весь вечер не матерились. Ну... почти. Я, по крайней мере. Думаю, это из-за дам. Мы же о них всё время говорим. – с этими словами он стянул с кресла плед, замотался в него и раскинул сушиться тельник.

Четвёртая бутылка.

Купание, ночной холод, ледяные звёзды – наилучший комплекс для некоторого отрезвления организмов. По крайней мере, наши отреагировали именно так.

– Я думаю, это эндорфин. В моём случае – точно. А у тебя – адреналин, – он успел-таки пригнуться и картофелялина из моей тарелки, пролетев мимо его головы, смачно впечаталась в стену. Но согласись, что почувствовать себя пацаном – прекрасно. Ну ладно-ладно, давай вести себя, как взрослые, – завопил он, когда я взял шумовку, – можешь налить нам, наконец, коньячку.

– Сам себе на конец будешь коньяк лить, у нас последняя бутылка осталась.

– И всё это – потому, что ты – жмот.

– А если я её сейчас ото всей широты моей славянской души расшибу?

– Чтобы оставить старого калмыка без спиртного?

– А если – об твою голову?

– Этот неприкрытый шовинизм будет квалифицирован, как великодержавный. С оттенками геноцида по национальному признаку. Но я уверен, что даже ты не настолько туп, чтобы лишиться нас коньяка.

На втором кресле тоже был плед. Раскидав по полу одеж-

ду для просушки и пододвинув к печке ботинки, я изобразил на себе какое-то подобие античной тоги, посмотрел на второго патриция и поперхнулся, представив двух римских сенаторов, завёрнутых в холсты из короткостриженной чебурашки в оленях.

– Вот почему, даже зная столько лет, какой ты говнюк, я всё равно рад тебя видеть?

– Потому что пить одному глупо. Вот смотри: ты налил, мы взяли в руки... Ты чё не наливаешь? Вот. Мы взяли в руки, понюхали.

– Лучше «вдохнули аромат».

– Да, лучше. Так вот, понюхали и, вдохнув аромат, мы что делаем? Правильно – смотрим друг на друга. А зачем? Правильно – чтобы убедиться, что не одному мне этот запах так нравится. Потом отпиваем по чуть-чуть и начинаем там во рту ворочать это языком, пока оно между всеми зубами не побывает, и всё равно друг на друга поглядываем, ощущения, значит, сравниваем, потом глотаем, может быть даже глаза закрываем. В эти мгновения, прости, мне не до тебя. Потом, медленно так, глаза открываем, можно даже, сначала один, потом второй, и опять друг на друга смотрим. Шо коньяк хороший, мы уже сказали, но теперь по нам это уже

видно. Вот эта твоя довольная рожа позволяет мне думать, что у меня сейчас такая же. А теперь... Там остались финики? Давай их сюда. Кидаю под язык финик и ещё пару капель. Вот.

Он замолкает и, кажется – надолго. Я, тщательно соблюдая последовательность, следуя его примеру, и мы молчим несколько минут, глядя на языки пламени в приоткрытой дверце печи.

– Ну хорошо, а если я не приехал, мы же можем как-то через эти, как их, мессенджеры, там, по видеосвязи...

– Так, этому больше не наливать. Какая, нахрен, видеосвязь?! Ты совсем, блин, с ума сошёл? Во-первых, – в этот раз он начал загибать пальцы, – коньяк мне придётся покушать самому. Во-вторых, шурпу тебе проводниками передавать? Сожрут. И, в-третьих, в кого ты, debil, будешь кидать картошкой?

– Аргумент.

– Бетонный!

– Жаль, что мы не курим. Сейчас бы в самый раз зашло.

– Сюрприз-из... Я хотел оставить на завтра, но ты прав – в самый раз будет сейчас, – Толян вышел в комнату и че-

рез минуту вернулся с двумя сигарами, – вот, ждал, когда ты приедешь.

– Уххх! Это ж на улицу выходить, одеваться...

– Ты в эти свои развитые страны не ездишь больше. Не надо. Это делается в кресле, у огня и, непременно – с бокалом в руке. А печку на улицу я хрен потащу, кирпичная она.

У нас опять появилась причина на несколько минут замолчать.

– То есть ты предлагаешь собрать всех этих придурков и объявить им, что они должны вот прямо с этого дня перестать быть мудаками? Чтобы каждый всё бросил и сделал свою бабу счастливой?

– Угумсь.

– Тогда возникает вопрос – какую именно?

– Вот. Ты начинаешь правильно мыслить и постепенно подходишь к пониманию, почему все мужики – козлы. Просто одним удаётся сделать так, чтобы их бабы друг про дружку не знали, ну так они, по крайней мере, думают, а другим – нет.

– То есть ты свою занозу сероглазую делать счастливой не

собираешься?

– На «з» там только задница. Но шикарная. Я бы тебе фотографии показал, но не держу в телефоне, мне ещё один шрам на лбу не нужен.

– Подожди, так у Валюхи ж тоже глаза серые.

– У неё не «тоже», у неё – серые.

– Ага, а сколько раз ты с ней разводился?

– До конца – ни разу, а так, я и сейчас с ней развожусь, всё никак руки не доходят заявление забрать, а там оно, вроде как, отношения стимулирует.

– ?

– Ну, если ссоримся вдруг, то оба знаем, что мы разводимся. Не беси меня, в общем, налей лучше.

– Да, мне проще, я сам по себе. А у вас проблема выбора.

– Я тя ща лузну. Вот, кто бы говорил, шо он один. Я таких влюблённых, как ты, в жизни не встречал. Ты ж, сука, светишься весь, на тебе можно электричество экономить. А у

нас – жизнь, она вот так сложилась. У тебя вот собаки не было, ты не понимаешь, как это – нельзя бросить. Пристрелить – да, а бросить – нет. И знаю я, что никуда не денусь и буду с Валюхой доживать, и она терпеть будет, если не пришибёт меня когда-нибудь. Так если и пришибёт, то она ж потом рядом ляжет. Обо всём этом не думать проще.

– Мудака в себе ты тоже не убьёшь. Мир так устроен. Чтобы выжить, нужно быть мудаком. А ты как-то выжил. Поэтому всё равно будешь. Нужно только тех, кто тебя любит, от этого избавить. С ними быть нормальным, а на весь мир – пофиг.

– Ну да, вот ты ребёнка воспитываешь, что-то ему запрещаешь, он по-любому тебя мудаком считать будет, а ты же для его пользы.

– А бабы – те же дети. Только нужно как-то себя заставить не воспитывать. Любить такими, как есть. Вот есть для тебя разница, зелёный у неё лак на ногтях или синий?

– Мне красный нравится.

– И ты обязательно ей об этом скажешь, когда она придёт с зелёным.

– Ну да.

– Потому что мудака. А у неё сегодня настроение такое, а завтра будет – волосы обрезать. Да, она потом тебя же и обвинит в том, что не удержал и ей теперь ходить некрасивой. А ты что сделаешь?

– Скажу, что дура, она вообще у меня не спрашивала.

– А надо сказать, что ты её не за длину волос любишь. Вот скажи, положи руку на это место, тебе это правда сильно важно?

– Ну да, их, когда на кулак наматываешь...

– Ты же понял уже, debil, что ей самой не нравится, но нахрена ты усугубляешь? Её успокоить нужно, а не обвинять. Говорю же – они, как дети. Мой, когда малый был, ключицу сломал. Как ты думаешь, что его больше всего волновало? Не то, что в больницу надо ехать, не то, что ему стихи читать на утреннике, а, чтобы папа не наказывал. Понимаешь? У них так же. Она уже знает, что фигню под настроение сделала, а тут ты ещё, тиран и деспот. Для них вообще настроение очень много значит. Но фишка в том, что, если настроение хорошее у неё, у тебя оно тоже будет хорошим. Вот и подумай, ты хочешь быть прав или счастлив?

– Ну тебя на хер. Там осталось ещё?

– Прикалываешься? Больше полбутылки.

– Сигара хорошо идёт.

– Вкусно.

– Да, а помнишь чачу эту мерзкую? Мы её, кажется, тушёнкой заедали.

– Тушёнку, вроде, Дюша тогда подогнал. А где он её взял, интересно.

– Тельники, шо тогда у молодых пропали, вот они, по-моему, как-то с этим связаны.

– Не, тельники на Колюню вешали, кстати, ты вообще что-нибудь о нём с тех пор слышал?

– Пропал куда-то, дай Бог ему здоровья. А то, шо вешали не на Дюшу, так он и жив до сих пор поэтому. Не на него вешают.

Коньяк – хороший растворитель. Он умеет растворять плохое настроение, какие-то проблемы, жизненные сложно-

сти и неудачи. Затем в нём постепенно растворяются краски и звуки. Я несколько раз вдохнул через сигару, каждый раз поднося к носу бокал. Стекло уже помутнело от следов ладоней, но запах по-прежнему радовал.

– А почему никто ещё не додумался сделать одеколон с запахом коньяка? Думаешь, пить будут? Так его надо дороже оригинала сделать, чтобы невыгодно было, – засмеявшись собственной искромётной шутке, я посмотрел на Толяна, он спал. Его голова откинулась назад и из раскрытого рта доносилось какое-то булькающее сипение. Я подошёл к нему, слегка стащил тело вниз по спинке кресла, подсунул под голову маленькую подушечку, которая валялась на полу и поправил плед, чтобы он был укрытым, – спи спокойно, дорогой друг, очень хочу сказать это как можно позже.

Оставшись в одиночестве, я вылил в бокал остатки коньяка, сделал два больших глотка, пару раз пыхнул сигарой, посмотрел на мерцание углей, отодвинул в сторону тарелку и положил голову на стол.